

— Кан Янь! Вот ловкач! Сколько ты в Пекине-то? Уже всякими непристойностями занимаешься. Весь лицо семьи Канов опозорил. Чтобы духу твоего здесь не было! — Голос Кан Айцзюня звучал сердито и на диалекте. Рядом вмешалась Ван Цуйпин:

— А эти восемь тысяч, что мы ему дали? Точно, перенял у своей мамы манеру шляться по чужим углам. Задницей повертел — и деньги пришли. Деньги-то грязные...

Лицо Кан Яня побелело. Его трясло от ярости.

— Я не делал ничего постыдного. Не смей говорить такое о моей маме, — сказал он и положил трубку.

Он не знал, что именно произошло в университете, но звонок от двоюродного брата Кан Айцзюня дал ему понять, что ничего хорошего его не ждёт.

А что, если его отчислят?

Побледневший, Кан Янь бросился вниз по лестнице. Его не должны были отчислить. Он не мог остаться без учёбы.

Дворецкий следовал за ним. Поскольку ситуация была неясной, он не стал звонить господину, а вместе с Сяо Лю отвёз Кан Яня в университет.

Без двадцати десять вечера. В одном из общежитий для юношей царило необычайное оживление. Окна ярко светились, атмосфера была напряжённой. Дежурный у входа разгонял студентов, толпившихся в холле:

— Нечего глазеть! Быстро по своим комнатам!

— На что уставились? Вы что, не из этого корпуса?

Студенты толкались, не желая расходиться. Невероятно, прямо у них на глазах разворачивается такая взрывная новость — откровенные фото мужчины, работающего хостесом! Такое впервые видят вживую. Дежурный нахмурился:

— Не хотите уходить? Сейчас придёт декан факультета. Вам всем что, замечания в личное дело нужны? Или отчисление?

Несколько человек нехотя потянулись к выходу. Вдруг кто-то крикнул:

— Офигеть! Кан Янь вернулся! Теперь будет шоу.

Кан Янь был смертельно бледен. Сяо Лю и дворецкий шли по бокам. Люди вокруг перешёптывались, но достаточно громко, чтобы он слышал:

— И правда хорош собой. На фото вроде не так, а в жизни ещё симпатичнее.

— Тебе нравится? Фу, мерзость. Продажная шкура.

Сяо Лю обернулся и уставился на толпу.

— Что там бормочете? Повторите-ка погромче, — прорычал он.

Студенты испуганно замолчали.

— Кан Янь, тебе сейчас нельзя в общежитие, — с отвращением и презрением в голосе остановил его дежурный. — Знать бы раньше, что ты такой. Тогда бы тот пакет конфет сразу выбросил. Тошно даже вспомнить.

За спиной Кан Яня тыкали пальцами и шептались. Он слышал это. Стиснув губы, бледный, он держал спину прямо. Что бы там ни говорил Фань Сымин, какие бы фото ни были — он ничего такого не делал.

В дежурке зазвонил телефон.

— Ага. Хорошо. Понял. Отправлю его. В общежитие не пущу, — сказал дежурный, положил трубку и, кривя губы, бросил невежливо:

— Иди в учебный корпус, к декану. В общежитие тебе сейчас дороги нет. Зайдешь, когда с тобой разберутся.

Университет был небольшим. От общежития вдоль главной аллеи можно было увидеть учебный корпус.

Кан Янь, ощущая на себе все эти презрительные, насмешливые, злорадные взгляды, по-прежнему держал спину прямо. Бледный, но собранный, он вышел из дверей общежития. Дворецкий шёл следом, и в его взгляде читалось одобрение. Обычно молодой господин Кан казался скованным, даже застенчивым. Но сейчас, когда случилась такая беда, этот семнадцатилетний парень, не выдавший ещё настоящих жизненных бурь, сумел сохранить самообладание. Это уже немало.

Он не знал, что Кан Янь на самом деле очень боялся. Боялся остаться без учёбы.

Студенты, глазающие сзади, хотели последовать за ними. Сяо Лю насупился и, впервые подражая Лао Каю, сказал бесстрастным тоном:

— Если пойдёте следом — пеняйте на себя.

Сяо Лю выглядел юным, но был закалён. Если бы он разозлился по-настоящему, этим студентам с ним не справиться. Любопытные замерли на месте. Лишь когда Кан Янь уже скрылся из виду, они осмелели:

— И чего возомнил о себе? Продажный тип. Что, мафией прикидывается? Его бы отчислить поскорее.

В кабинете декана факультета в учебном корпусе горел свет.

Перед тем как подняться, дворецкий сказал:

— Молодой господин Кан, не бойтесь. Просто честно всё объясним.

Сяо Лю тоже стоял рядом, придавая смелости.

Оказавшись в полном одиночестве, Кан Янь в эту зимнюю ночь покрылся холодным потом. Но, услышав их слова ободрения, он немного успокоился. Он подумал: «Я же ничего не делал. Нечего бояться голословных обвинений. Да, просто нужно всё объяснить».

Кабинет находился на втором этаже.

Постучав, они вошли. Кабинет был небольшим, всё было видно с порога. У окна стоял большой тёмный письменный стол, но кресло за ним было пустым. У стены располагался кожаный диван, перед ним — журнальный столик с чайным набором. От чашек поднимался лёгкий пар. На диване, куря, сидел Фань Сымин. Рядом стояли двое похожих на телохранителей. Декан факультета как раз наливал Фань Сымину чай:

— ...Всё это мелочи. Можно урегулировать приватно. Не обязательно раздувать. У нас в университете строгие правила. Если это попадёт в новости, как это скажется на проценте поступления?

У Фань Сымина был нездоровый вид. Под глазами лежали тёмные круги, будто от постоянного переутомления и разврата. Ему явно не хотелось вести светские беседы. Он сменил позу, но от этого боль в спине усилилась. Его лицо исказилось ещё больше, в глазах заплясали злые огоньки.

Когда вошёл Кан Янь, а Сяо Лю с дворецким встали по бокам, защищая его, их взору предстала именно такая картина.

Увидев Кан Яня, декан факультета мгновенно помрачнел. Он окинул его взглядом с ног до головы и с насмешкой произнёс:

— Так это ты — Кан Янь?

Не дожидаясь ответа, он подошёл к письменному столу, взял лежавшие там фотографии.

— Погляди сам. Университет — место, где воспитывают и дают знания. А ты чем на стороне занимаешься? Всякой грязью и мерзостью. И ещё в стены университета это притащил. Какой дурной пример для сокурсников! Нашему университету ты не нужен.

С этими словами он швырнул фотографии в Кан Яня.

Фотографии разлетелись по полу. Только теперь Кан Янь увидел те самые снимки, о которых говорил двоюродный брат. Содержание было отвратительным, откровенные постельные сцены. На всех было его лицо. Но он точно такого не делал.

— Это не я. Я этого не делал, — отрицал Кан Янь.

Сяо Лю поднял одну из фотографий и передал её дворецкому. Тетушка Ван, взглянув, спокойным тоном сказала:

— С фотографиями что-то не так. Молодой господин Кан не совершал подобного. Мы можем пригласить специалистов для экспертизы. Раз уж это место, где воспитывают и дают знания, то нельзя так просто очернять и распускать слухи о студенте, не так ли?

Декан факультета посмотрел на тётю Ван — женщину лет сорока с небольшим. Рядом — чернокожий парнишка. Вид не шибко влиятельный. Поэтому он ответил недоброжелательно:

— А ты ему кто? Здесь тебе есть что говорить? Он нанёс огромный ущерб репутации университета. Последствия крайне серьёзные...

— Хватит нести бюрократическую чушь! Фотографии фальшивые, и ты на этом строишь дело?
— парировал Сяо Лю.

Декан факультета побагровел от злости. Его не волновало, настоящие фотографии или нет. Сейчас слухи распространились слишком широко, большинство студентов университета уже в курсе. Тем более, господин Фань явился лично и дал понять: либо отчисляют Кан Яня, либо он сливает всё прессе. Нынешним журналистам-папарацци плевать на подлинность фото. Как только всё попадёт в сеть, вся страна будет поливать их университет грязью, называть «помойкой». И какая тогда ему, декану факультета, должность?

Господин Фань — тот ещё тип. Сейчас нужно просто отчислить Кан Яня, избавиться от проблемы и сохранить репутацию университета. Что может быть проще?

— Ущерб уже нанесён, — ударил кулаком по столу разгневанный декан. — Кан Янь, вот твоё личное дело. Сейчас у тебя выбор: забираешь его добровольно — это будет отчисление по собственному желанию. Или мы тебя отчисляем принудительно, и тогда у тебя не будет личного дела. Понимаешь, что это значит?

Декан факультета хотел лишь поскорее замять историю.

В груди у Кан Яня всё сжалось. Его всего трясло. Он сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы голос не дрожал:

— Я этого не делал. Всё это — клевета и ложь этого человека. Почему я должен бросать учёбу?

Фань Сымин, сидевший на диване, с самого момента появления Кан Яня не сводил с него глаз. Казалось, он готов был содрать с него кожу.

Он усмехнулся хрипло, голос был сорванным, сиплым:

— А что, если это клевета? Сегодня я заявляю: это только первый шаг, шлюха проклятая. Я сделаю так, что ты в Пекине не удержишься. Откуда пришёл — туда и проваливай.

Тот позор, что пережил он, Фань Сымин, Кан Янь тоже познает сполна.

И ещё этот парнишка... Взгляд Фань Сымина упал на Сяо Лю. В его глазах плескалась ненависть. Это он подсыпал ему в питьё. Никто не уйдёт. Чёрт поberi, никто не уйдёт.

Глаза Фань Сымина были красными от лопнувших сосудов, его выражение лица было безумным, он жаждал жестокой мести.

— Придержи язык, отродье, — не стерпев оскорблений, огрызнулся Сяо Лю.

Двое телохранителей посмотрели на Фань Сымина: нужно ли действовать? Декану факультета это уже осточертело. Даже если случится драка, пусть только не в университете. За воротами — их дело.

— Кан Янь, забирай свои вещи и немедленно покидай университет. Стоимость обучения вернём. Убирайся, — поспешил он сказать. Деревенский бедный студент против мажора-мажорища — декан факультета, без сомнений, выбирал в качестве жертвы Кан Яня.

Дядя недолго ещё будет дядей. В конце концов, так его будут звать только влюблённые, хи-хи-хи.

Завтра вернусь в университет, за дело возьмётся декан, отдубасят подлеца Фань Сымина, и он станет пушечным мясом.

Спокойной ночи, чмоки-чмоки!

<http://bllate.org/book/15594/1390349>